

Заключение

Ключевая проблема XXI века – демонтаж политического и экономического гегемонизма с целью привести институциональную структуру мировой финансовой системы в соответствие с изменившейся конфигурацией структуры мира. Сегодня глобальная финансовая архитектура служит интересам развития «золотого миллиарда», в то время как ее основная цель – способствовать справедливому распределению товаров, услуг и капитала в мире в целом.

Глобальный финансово-экономический кризис с особой силой обнажил сложные проблемы наиболее динамичного компонента финансовой архитектуры – мировой валютной системы. Суть проблем заключается в постепенном ослаблении доминирующей роли доллара США в качестве мировой резервной валюты. Ряд факторов свидетельствуют, что данный процесс не только продолжится, но может усилиться «гонкой девальваций» и других твердых валют. Таким образом, мировая валютная система находится на этапе *перехода от моновалютной к поливалютной системе*. Самый большой вызов состоит в том, что экономическое и политическое воздействие такой переходной (фрагментированной) системы может быть огромным в силу своей непредсказуемости, несмотря на амортизирующее воздействие плавающих валютных курсов. Это приведет к: 1) обесценению государственных резервов для стран, формирующих их в данных валютах (особенно в долларе США); 2) потерям для стран, экспортирующих продукцию за твердые валюты; 3) обесценению валютных накоплений у населения. Неудивительно, что для большинства развивающихся стран, а также стран с переходной экономикой, аккумулировавших огромные резервные активы в течение последнего десятилетия, вопросы их эффективного использования и недопущение их обесценения становятся не только экономическими, но и политическими.

Анализ новейших трендов формирования и использования резервных активов показывает, что некоторые развивающиеся страны, которые одними из первых усомнились в надежности американской валюты, решают данные вопросы посредством: 1) минимизации зависимости от доллара при проведении внешнеторговых операций в виде ускоренного *создания региональных валют, представляющих интересы стран, объединенных в единый валютный союз*; 2) перехода от модели простого наращивания резервов к модели их использования для финансирования создания постиндустриальных механизмов развития экономики и общества в виде *государственных инвестиционных фондов*, куда все больше трансформируются золотовалютные резервы.

Данные подходы актуальны и для Узбекистана, располагающего высоким уровнем резервных активов. В качестве инструментов минимизации зависимости от доллара при проведении внешнеторговых операций и формирования структуры резервов целесообразно рассмотреть включение *российского рубля и китайского юаня в портфель активов* (с внесением соответствующих решений по выбору валюты котировки и введением новых валют на межбанковские торговые сессии). Несмотря на имеющиеся недостатки курсовой политики данных стран, нельзя забывать, что юань — это показатель здоровья и развития азиатской экономики, куда перемещается центр посткризисного мирового развития, а курс рубля отражает ожидания рынка в отношении мировых цен на нефть, а также перспективы Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси, который начал свою работу с 2010 года.

В качестве инструмента сохранения стоимости резервных активов целесообразно создание *государственного инвестиционного фонда*. Целями фонда могут быть: 1) *стратегические инвестиции за рубежом с использованием активных диверсифицированных стратегий*. Это усилит качественную составляющую текущих программ модернизации с точки зрения технологической новизны и расширит экономическое влияние страны в целом; 2) *создание новых источников кредитной активности внутри страны*. Здесь речь идет о *повышении капитализации микрокредитных организаций посредством создания Национального Апексного фонда*. Мультипликативный эффект (эффект масштаба) каждого доллара резервных активов, вложенного в повышение капитализации МКО будет намного выше, чем от каждого «просто сохраненного». Причем, будет усиливаться не только финансовый эффект (рост доходов МКО и соответствующих поступлений в бюджет), но и социальный – за счет расширения деловой активности малообеспеченных слоев населения.